

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ УКРАИНСКИХ РЕАЛИЙ

Социология, как наука, изучает не только фундаментальные проблемы человеческих взаимоотношений, их общие, универсальные механизмы, но действие этих механизмов в разных социальных контекстах. Следовательно, необходим анализ этого специфического контекста. Такая задача предполагает вначале научное осмысление ситуации, принимая в расчет, что новый “социальный контекст” для нас сегодня – это нестабильность общества, отсутствие не только практики устойчивого развития украинского социума, но и непротиворечивых, общих и социально приемлемых ориентиров такого развития.

Переходный период – это время жизни общества, в котором доминируют неустойчивые, быстро меняющиеся формы и способы жизнедеятельности человека, иррациональные, стихийные тенденции преобладают над рациональными конструктами. В этот период общество временно живет вне системы “нормального функционирования” в том смысле, что сложно определить нормы, которыми руководствуются социальные группы и каждый человек в отдельности. Социальные акторы как бы предоставлены самим себе, пребывают в ситуации не вполне оформившейся экономической, социальной и идеологической системы.

В этой связи перед социологией возникает целый ряд совершенно новых задач. До последнего времени весь накопленный ею опыт, все теоретические и экспериментальные исследования так или иначе апеллировали к стабильному обществу. Собственно такая переменная, как “стабильность – нестабильность”, практически не фигурировала в социологических исследованиях. Но в последние годы в полной мере стала осознаваться проблема недопустимого игнорирования социологией социальных изменений. Социологическая наука вплотную столкнулась с необходимостью искать ответы на вопросы изменяющегося общества. Во многом она оказалась неподготовленной к объяснению глобальных и частных общественных трансформаций, а ее аппарат, методы и средства – не в полной мере адаптированными к исследованию социальных феноменов в изменяющемся мире.

Цель статьи – охарактеризовать возможности социологического анализа особенностей регуляции социального поведения в ситуациях социальной нестабильности в контексте современных украинских реалий.

Общество как предмет социологии не может оставаться стабильным. Оно находится в постоянном движении, развитии, как и сам процесс познания. Развитие социологической мысли зависит от двух решающих факторов: прогресса самого научного знания, с одной стороны, и меняющихся потребностей общества, социального запроса – с другой. Очевидно, что социология не могла не претерпеть переосмысления

своей предметной области, ибо последняя формировалась и продолжает формироваться под воздействием упомянутых факторов. Важнейшим шагом в этом направлении, как считает крупнейший теоретик современной социологии П. Штомпка, является преодоление взгляда на общество как на неизменный, статичный объект. Отмечая наличие элементов динамики в описании общества уже на самых первых этапах формирования социологии как науки и последующее включение в понимание и характеристику общества таких составляющих, как движение и изменчивость, П. Штомпка указывает на то, что “необходимые радикальные выводы из этого были сделаны только в конце XX в., когда окончательно были отброшены всякие представления о неизменных общественных явлениях – организмах или системах, обладающих постоянными структурами, и ученые пришли к согласию о том, что все существующее в обществе – это *общественные события, социальные действия*, то есть находящиеся в движении, изменчивые и постоянно меняющиеся, колеблющиеся конфигурации, культурно мотивированных человеческих действий, соотнесенных с действиями других людей. Теперь вместо представления о социальных константах, постоянных, устойчивых общественных явлениях появилось понятие “фигураций” (у Норберта Элиаса), и вместо “структур” стали говорить о “структурации” (Энтони Гидденс), вместо социальных систем – о социальной жизни, вместо “существования” общества – о “становлении” общества (Петр Штомпка)” [1, с. 28].

Итак, важным поворотом новейших исследований современной теоретической социологии является перенос центра внимания с изучения социальных структур на социальные процессы. Доминирующее значение приобретает “процессуальный образ” социальной реальности (П. Штомпка). В. Ядов, ссылаясь на ранние работы П. Штомпки, еще в середине 90-х гг. XX ст. писал о том, что “само общество представляется уже не столько в качестве объекта (группы, организации и т.д.), но как своего рода “поле возможностей” социальных субъектов для проявления их деятельной активности. Ключевой единицей анализа становится то, что можно назвать “*событием*”, действием социальных агентов. Последствия этих действий жестко не заданы, многовариантны” [2, с. 13]. А в одном из интервью для “Журнала социологии и социальной антропологии” в 1999 г. В. Ядов высказался в том духе, что социологическая наука на сегодняшний день сколько-нибудь надежный прогноз дать не способна. И главная причина, по его мнению, состоит в том, что история человечества перестала быть естественноисторическим процессом. Она уже есть процесс социально-исторический, в котором роль субъективного фактора определенно доминирует, а целенаправленные действия людей, в том числе организованные, часто приводят к совершенно неожиданным следствиям [3, с. 11].

С этой точки зрения важнейшей задачей социологической науки становится необходимость осознать характер происходящих

преобразований, построить своеобразную программу трансформирования сложившихся подходов в связи с новыми объектами исследований, новыми типами отношений в обществе, новыми социальными ситуациями развития. Радикализм осуществляемых преобразований настолько очевиден, что многие их проявления просто не могут быть “схвачены” в рамках разработанных схем. Самая существенная черта современных постсоветских обществ, в том числе и украинского, – это все же его нестабильность, что исключает его анализ методами и средствами, сформированными для анализа стабильных ситуаций.

Конечно, можно обратиться к опыту стран, где тот тип отношений, которые еще только складываются в нашем обществе, а именно – рыночных отношений, имеет солидную историю и где, следовательно, ответы на вопросы в социологических концепциях, разработанных для этих, новых для нас, но достаточно устоявшихся в других обществах реалий, уже найдены. Но, как показывает вся история науки, прямое заимствование концепций, интерпретаций и способов исследования редко себя оправдывает – хотя бы уже в силу известного гераклитовского тезиса о невозможности войти в одну и ту же реку даже единожды. Кроме того, наш собственный опыт социального познания, в отличие от западной социологии, накоплен в принципиально иных социальных условиях.

Иной путь – изучение особенностей преобразований в развивающихся странах Азии, Африки, Латинской Америки, которые демонстрируют широкий спектр общественно-политических и экономических ситуаций. Здесь можно одновременно найти и, следовательно, сопоставить разные стадии и этапы исторического процесса, если: 1) абстрагироваться от национальных, культурных, географических, климатических и прочих особенностей; 2) вернуться к марксистскому тезису рассмотрения общественного развития как естественноисторической проблеме.

Наконец, значительный простор для компаративных исследований существует на постсоветском пространстве, однако и здесь за прошедшие двадцать лет вполне очевидной стала разновекторность и асинхронность общественных трансформаций. В итоге следует констатировать, что социология переходного периода, как отдельная отрасль отечественной социологической науки, пока не сформировалась, хотя потребность в осмыслении возникшей ситуации с присущими ей социальными феноменами, несомненно ощутима, и задача заключается в том, чтобы разработать социологию переходного периода для нашего нестабильного общества, со специфическим комплексом проблем, свойственных именно таким его характеристикам.

Разумеется, в современном информационном обществе нет недостатка в многочисленных рефлексивных описаниях как ученых, так и политиков и журналистов, тех или иных моментов, фактов, проблем, обусловленных общественными трансформациями последних десятилетий и отражаемых в состояниях массового, группового и индивидуального

сознания. Существует и достаточно мощная методологическая база, прежде всего в ракурсе конфликтологических концепций. Однако системное осмысление накопленного материала еще только предстоит осуществить, в связи с чем хотелось бы высказать ряд соображений.

Прежде всего, следует обратить внимание на существование как *общих* (неспецифических) закономерностей, присущих нестабильной фазе развития общественной системы, так и *уникальных* особенностей каждой из существовавших и существующих ситуаций динамичной неопределенности.

Любое изменяющееся общество всегда в той или иной степени подвержено дезорганизации. Однако общества различаются по скорости происходящих в них изменений и по степени дезорганизующего воздействия этих изменений на культуру. Традиции же изменяющегося общества не имеют устоявшихся форм и потому не могут создавать устойчивое и управляемое поведение его членов. В дезорганизованном обществе индивиды тяготеют к потере культурной основы и устойчивых норм. Р. Мертон, развивая теорию аномии Э. Дюркгейма, описал комплекс чувств, присущих членам таких обществ: 1) чувство того, что те, кто управляет государством, равнодушны к чувствам и стремлениям его рядовых членов; 2) чувство того, что рядовой член общества не может достичь основных своих целей в обществе, которое видится как непредсказуемое и беспорядочное; 3) общее ощущение тщетности и бесполезности приложения усилий; 4) убеждение в том, что невозможно рассчитывать на какую-либо социальную и психологическую поддержку со стороны институтов данного общества. Р. Мертон также обосновал социально-психологический механизм включения этих чувств в мотивационно-регулирующую систему социального поведения.

Деформированная интеграция человека в дезорганизованное общество нередко сопровождается такими чувствами, как беспомощность, ощущение тотальной зыбкости существования, потеря смысла жизни, чувство социальной изолированности и т.п., что означает практически полное эмоциональное отделение индивида от общества и ведет к экзистенциальному отчуждению и эскапизму. Отчуждение и аномия становятся широко распространенными явлениями в дезорганизованном обществе. Их симптомы: рост социального беспокойства и различных страхов, неуверенность в личном и общем будущем, социальная невостребованность, высокая внушаемость и подверженность различным влияниям извне, деморализованность индивидов и социальных групп.

Ранее действующие правила и нормы не считаются больше полезными и надежными, а прежние цели кажутся недостижимыми. В то же время другие правила отсутствуют, а новые цели представляются не стоящими затрачиваемых усилий. Такая неопределенность в обстановке, разобщенность людей служат идеальной средой для зарождения и развития социальных движений. Неопределенность норм и целей чаще вызывают социальные движения, чем бедность и нищета как таковые. Люди могут быть эмоционально устойчивы и уверены в будущем,

несмотря на то, что они занимают низший уровень в иерархии общества, материально не обеспечены, но только в том случае, если система их ценностей определяет эти лишения как необходимость и как нормальные условия существования.

Традиционные общества чаще всего являются наиболее стабильными до тех пор, пока в них не происходят изменения в сфере нормативного регулирования. Как только нормы и ценности начинают подвергаться сомнению, люди испытывают резкое обесценивание своих стремлений, что ведет к социальной неудовлетворенности существующим положением. Такую ситуацию иногда называют “революцией растущих ожиданий”. Известно, например, что революции возникают не там, где люди бедствуют, а там, где условия их жизни улучшаются. Все дело в том, что параллельно с улучшением условий жизни значительно расширяются желания и потребности людей. Революции и другие восстания наиболее вероятны тогда, когда прерываются периоды улучшения условий жизни и создается разрыв между увеличением потребностей и падением возможностей для их реализации.

Как правило, нестабильное общество характеризуется неожиданными, резкими, быстрыми и непредсказуемыми изменениями социальной среды. И происходит это на фоне уменьшения индивидуального жизненного ресурса и разрушения систем социальной регуляции поведения. Фиксируется также ослабление доверия между людьми, то есть сужение социального пространства согласованного взаимодействия. Массовое сознание по-прежнему ориентируется на ценности социальной справедливости, однако содержание представлений о ней постепенно меняется. Люди вынуждены готовить себя к непредвиденному, к наибольшему числу возможных вариантов на фоне преимущественно пессимистических ожиданий, особенно в отношении коллективного будущего. В этих условиях логика рациональной выработки решений перестает действовать эффективно. Отсюда, в частности, произрастает поливариантность социальных практик акторов в смутные времена, их “метания”, выведенные в булгаковском “Беге” или “Всадниках” Ю. Яновского, шолоховском “Тихом Доне” или “Черном вороне” В. Шкляра.

При этом социальную нестабильность не следует понимать упрощенно, только как обязательный продукт быстрых и радикальных социальных изменений, коренных преобразований, детерминирующих взрывоопасную ситуацию в обществе и приводящих либо к революционному слому определенных общественных устоев, либо к полному социальному коллапсу. Нестабильность может возникать и усиливаться даже во вполне “социально благополучных”, на внешний взгляд, обществах как результат рассогласованности этих изменений. Имеется в виду их направленность, темпы, мера радикальности в разных частях общественного организма (например, достаточно быстрая ломка политических институтов на фоне относительно медленных

преобразований в экономике). Именно поэтому термин “кризис”, наиболее часто используемый при характеристике нестабильных ситуаций в том или ином обществе, уже не вполне точно отражает характеристику переживаемого периода, поскольку процесс трансформации может затягиваться на десятилетия, а социальная нестабильность принимать вполне устойчивый характер.

Проблема осложняется еще и тем, что социальная нестабильность, хотя и отличается некоторыми общими чертами в разных странах, принимает в каждом случае специфическую форму; она сочетается с особыми условиями исторического развития каждой страны, ее традициями, национальным менталитетом. Вспоминая известный пассаж Льва Толстого относительно счастливых и несчастливых семей, можно перефразировать его таким образом, что нестабильные социумы в каждом конкретном случае “нестабильны по-своему”. Нестабильность “накладывается” на тот образ общества, который существовал в массовом сознании до периода радикальных преобразований. Это зависит также и от того, предшествовал ли периоду кризиса период стабильного развития с жесткой регламентацией стереотипов и ценностей, или, напротив, общество переживало период достаточно динамичного развития. В постсоветских странах новая ситуация оказалась особенно сложной потому, что в прежнее время в тоталитарном обществе стабильность его декларировалась как официальной идеологией, так и самой организацией общественной жизни. Ведь образ жизни в нашем не очень далеком прошлом содержал безусловную позитивную оценку незыблемости устоев, заданности их объективным ходом истории, несокрушимой верой в правильность принимаемых решений. Именно стабильность и прочность воспринимались как норма, а всякое расшатывание их – как опасное отклонение от этой нормы. Жизненные ориентации основной массы людей не были связаны с преобразованиями, тем более в масштабах всего общества, а, напротив, с его абсолютной устойчивостью и непоколебимостью. Это положение поддерживалось также и высокой степенью институционализированности общественных структур, жесткой регламентацией их деятельности.

Реалии современной Украины таковы, что затянувшийся переходный период заставляет квалифицировать его не как нечто промежуточное в движении от неоднозначного прошлого к неопределенному будущему, а как особое и, как это ни парадоксально, достаточно устойчивое состояние “стабильной нестабильности”. Жизнь в условиях бесконечного кризиса и состояние неопределенности, характеризующее как украинское общество в целом, так и переживаемое на уровне отдельной личности, приобрели даже своеобразную легитимность в общественном сознании и воспринимаются людьми даже как нечто естественное, неизбежное и долговременное. Ратуя за создание новой ветви социологического познания – “социологии неопределенности”, полагаем, что именно парадокс адаптации украинского общества к ситуации неопределенности должен стать ядром

ее предмета. При этом наиболее продуктивными представляются три направления исследования:

- объективных условий (обстоятельств, факторов) возникновения и сохранения (поддержания) ситуации неопределенности и нестабильности в рамках данного хронотопа;
- трансформаций, произошедших или происходящих в этой связи с социальными субъектами (актерами, институтами) различных уровней;
- изменения характера, стиля и содержания взаимодействия социальных субъектов.

По каждому из указанных направлений достаточно активно ведутся изыскания, но наибольшее внимание уделяется *первому* из них. Здесь фокусируются интересы не только социологов, но и экономистов, политологов, правоведов. В этом нет ничего удивительного, поскольку перемены всерьез затронули фактически все сферы общественной жизни. Переход от государственной и коммунальной к преимущественно частной форме собственности, возникновение класса собственников, отмирание многих прежних и формирование новых общественных институтов, изменение социально-демографической структуры, возникновение этнонациональных, религиозных, идеологических, региональных, языковых, культурных и прочих проблем и противостояний – таков далеко не полный перечень преобразований в условиях жизнедеятельности, образа жизни украинского социума. Не имея возможности шире затрагивать эту поистине необъятную проблематику, можем рекомендовать читателю обратиться к достаточно фундаментальному исследованию Н. Шульги [4].

Второе и третье направления не менее объемны, но в меньшей степени привлекают исследователей – быть может потому, что труднее “схватываются” как наукой, так и обыденным сознанием. Представляется, в частности, что по *второму* направлению – изменчивости субъекта – наиболее актуальными являются проблемы трансформации системы ценностей, кризиса идентичностей и восприятия динамично меняющегося мира.

Изменение системы ценностей требует особого внимания исследователей-социологов и представителей смежных наук. Речь идет о соотношении групповых и общечеловеческих ценностей. Воздействие идеологических нормативов эпохи СССР на массовое сознание и социальное поведение было так велико, что идея приоритета классовых ценностей принималась как привычная аксиома и, напротив, общечеловеческие ценности зачастую интерпретировались как ценности “абстрактного гуманизма”, то есть получали негативную оценку. На более конкретном уровне это проявлялось как принижение значения таких ценностей, как ценность жизни, человеческого существования, добра и т.д. Неготовность к их принятию обернулась тем, что в условиях радикальных преобразований “старые” ценности во многом оказались разрушенными, а “новые” не приняты. Утрата ориентиров относительно иерархии ценностей

оплачивается высокой ценой, порождая серьезные проблемы в нравственной культуре общества.

Кризис идентичности – еще одна область существенных изменений в массовом сознании в эпоху перемен. Механизмом формирования социальной идентичности является категоризация – процесс “отнесения” индивидом себя к определенной социальной группе. Социальные категории, как и категории вообще, выступают в процессе познания как продукты стабильного мира: они фиксируют устоявшееся, прочное. Когда же и сам реальный мир становится нестабильным, социальные категории перестают выполнять функцию объяснения, а значит, и оправдания социального порядка, они “разрушаются”, а точнее, утрачивают свои границы. Последствия этих процессов драматичны для отдельных социальных групп: многие люди, в особенности пожилые, с трудом справляются с потерей такого рода идентичности, молодежь также испытывает затруднения с определением своей идентичности и т.п.

Настоящее время, которое характеризуется плюрализмом мнений и предполагает широкую вариативность экономических, социальных и личных решений, является чрезвычайно трудным для восприятия массовым сознанием и тем более для восприятия и познания отдельной личностью. Наиболее характерными особенностями восприятия отдельным индивидом нестабильного общества является незнание людьми критериев оценок новых способов социальных действий и поступков; восприятие новых механизмов социальной регуляции как неэффективных; чувство тревоги, растерянности, неготовности жить и работать в новых условиях и т.д. Эти и другие проявления восприятия людьми нестабильного социального мира имеют очень серьезные последствия, прежде всего в связи с тем, что индивид не чувствует себя субъектом действий и поступков в обществе, он не может, а иногда и не хочет или отказывается видеть и понимать социальные проблемы. Слом прежних стереотипов не просто осуществляется в массовом сознании. Более того, он часто воспринимается в сознании отдельных социальных групп и индивидов как утрата базовых идеалов.

Каждая из этих проблем важна сама по себе, но еще важнее их комплексное рассмотрение, поскольку в интегрированном виде они представляют внутренний ресурс субъекта, который определяет потенциальные возможности его успешной адаптации к “жизни на вулкане”.

Реализация *третьего* из указанных направлений исследования требует концентрации внимания на двух масштабных проблемах. Первая из них возникает в связи с тем, что проистекающая из аномии неопределенность в отношении поведения других индивидов оказывает воздействие на рациональность социального поведения совершенно новым образом. Невозможность найти общие нормы и оценки окружающего мира, различных его объектов, отсутствие общих правил оценки влечет за собой неопределенность относительно поведения других. Этой неопределенности

нет места в ситуации общего равновесия в условиях стабильного общества. Согласованные основания социальных норм и оценок в периоды нестабильности сильно ослаблены, трансформированы, и внимание индивидов перемещается от норм и правил к намерениям других индивидов. Вследствие усиления регуливающей роли ожиданий в поведенческих моделях, число возможных равновесий увеличивается. Равновесие ожиданий может даже лежать в основе особого типа взаимодействий, опирающихся на конвергенцию ожиданий (самореализующиеся ожидания) в рамках социальной общности.

В отсутствие объективных критериев оценки окружающего мира индивид должен включить в свое суждение о ситуации намерения других индивидов. Соответствующий поворот в исследовательских программах социологии обусловлен тем, что анализ суждений, которые выносят индивиды о ситуации и действиях других, занимает центральное место в социальной диагностике. А это, в свою очередь, требует создания совершенно нового аппарата моделирования в социологии, позволяющего формализовать действия индивидов-интерпретаторов.

Вторая состоит в поиске эффективных в ситуации социальной неопределенности механизмов социального регулирования, традиционным смыслом которого является нормирование социального поля субъекта, воплощение социальных предписаний в реальном поведении субъектов. Социальное регулирование осуществляет стабилизирующее воздействие на социальную систему (нейтрализация революционных моментов) и может рассматриваться как разновидность социального управления, основанная на формализации социальных интеракций. Механизм регулирования реализует свое действие в фактическом поведении участников регулируемого отношения. Три основных составляющих этого механизма: нормы, отношения, акты реализации (поведение). Но нормы сами по себе не являются динамической характеристикой, они включены в качестве самостоятельного элемента в большее по объему понятие – понятие социального порядка. Отношения сочетают статические и динамические характеристики. Поведенческие акты наиболее динамичны. А в условиях, когда социальный порядок разрушен, социальный контроль бездействует или малоэффективен, привычный путь регуляции через нормотворчество “не срабатывает” и необходимо апеллировать непосредственно к отношениям, в частности к такому их существенному компоненту, как социальная неудовлетворенность.

Социальная неудовлетворенность – это общее недовольство людей условиями жизни и системой социальных отношений в данном обществе, зиждущееся на “трех китах” – относительной неудовлетворенности, ощущении (чувстве) несправедливости и статусной неопределенности.

Согласно концепции относительной неудовлетворенности, разработанной английским социальным психологом С. Стауферром, люди ощущают неудовлетворенность в результате разрыва между тем, что они имеют, и тем, что они могли бы иметь. Например, когда в нашей стране

приоткрылся “железный занавес”, и люди увидели более высокий уровень жизни в других государствах, такое открытие породило неудовлетворенность: многие поняли, что могли бы жить в значительно более комфортных условиях. Чем больше разрыв между надеждами и ожиданиями и их реализацией, тем сильнее чувство социальной неудовлетворенности. Относительная неудовлетворенность широко проявляется в слаборазвитых странах, где общество сильно дезорганизовано. Люди хотят иметь автомобили, компьютеры, холодильники и многие другие вещи, хотя слабо понимают, что их нужно еще и производить. Нехватка этих предметов приводит к еще большему желанию владеть ими. Однако у этих обществ существуют ограниченные ресурсы в области обучения, образования, развития материальной базы. Кроме того, часто сельская структура населения не дает возможности развивать производство в городских условиях, что приводит к отчуждению многих людей и является основой для будущих революций и других социальных движений.

Социальная несправедливость не является объективным социальным фактом. Это субъективное ценностное суждение. Справедливо ли, когда один член общества обладает богатством во много раз большим, чем другой? Ответ на этот вопрос зависит от традиций и системы ценностей. Во многих странах массы населения живут в бедности, а единицы или десятки людей – в роскоши, фактически не платят налоги и блокируют попытки социальных реформ. Справедлива ли такая система? На это нет однозначного ответа. Но в том случае, если большинство членов социальной системы считают ее несправедливой и разочарованы в существующем порядке вещей, на поставленный вопрос можно с достаточной степенью определенности ответить отрицательно. Примечательно, что ощущение социальной несправедливости встречается не только у представителей беднейших или бесправных слоев общества. Некоторые группы с высоким уровнем потребления и высоким социальным статусом также могут чувствовать себя жертвами несправедливости. Люди, имеющие значительные богатства, твердо уверены, что их накопления и привилегии являются результатом справедливого распределения, и полагают несправедливыми большие налоги и различные государственные ограничения их бизнеса. Следовательно, чувство социальной несправедливости может вызывать к жизни социальные движения как среди бедных, так и среди богатых групп населения.

Выводы. Таким образом, констатируем, что статусная неопределенность также представляет собой важный компонент социальной неудовлетворенности. Такая неопределенность развивается в том случае, когда индивид имеет несколько статусов разного ранга. Люди с устойчивым чувством статусной неопределенности чаще других ощущают неудовлетворенность и невозможность достижения необходимого им вознаграждения, той или иной формы жизненного

успеха. Исследования социальных движений, которые были проведены в последнее время, показывают, что наличие у какой-либо личности трех факторов – относительной неудовлетворенности, ощущения несправедливости и статусной неопределенности – обуславливают, как минимум, ее предрасположенность к протестному поведению, а в потенциале формируют внутреннюю готовность присоединиться к социальным движениям.

В завершение хотим заметить, что стоящие перед социологией социальной неопределенности задачи, безусловно, могут быть рассмотрены в ином ракурсе, иначе структурированы и интерпретированы. Несомненно одно – для социологии наступило время ответить на вызовы времени.

Литература

1. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка ; пер. с польск. С.М. Червонной. – М. : Логос, 2005. – 664 с.
2. Ядов В.А. Социологическое исследование: Методология, программа, методы / В.А. Ядов. – Самара : Изд-во “Самарский ун-т”, 1995. – 332 с.
3. Ядов В.А. Интервью с профессором В.А. Ядовым / В. Ядов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Т. II. – № 1. – С. 6–18.
4. Шульга Н. Дрейф на обочину. Двадцать лет общественных изменений в Украине / Р. Шульга. – К. : ТОВ “Друкарня “Бізнесполіграф”, 2011. – 448 с.

Мартинюк І.О., Соболева Н.І. Соціологія соціальної невизначеності як відображення сучасних українських реалій

У статті розглянуто проблему дослідження особливостей стану та закономірностей функціонування суспільства, яке перебуває тривалий час у ситуації динамічної нестабільності. Обґрунтовано доцільність започаткування нової галузі соціологічного пізнання – “соціології соціальної невизначеності”.

Ключові слова: соціальні зміни, соціальна нестабільність, соціальні норми, соціальна поведінка, регуляція.

Мартынюк И.О., Соболева Н.И. Социология социальной неопределенности как отражение современных украинских реалий

В статье рассматривается проблема исследования особенностей состояния и закономерностей функционирования общества, находящегося продолжительное время в ситуации динамической нестабильности. Обосновывается целесообразность создания новой отрасли социологического познания – “социологии социальной неопределенности”.

Ключевые слова: социальные изменения, социальная нестабильность, социальные нормы, социальное поведение, регуляция.

Martyniuk I., Soboleva N. Sociology of social uncertainty as a reflection of the realities of modern Ukrainian

The article considers the problem of studies of the state and of the functioning of a society for a long time in a situation of dynamic instability. The

expediency of creating a new branch of sociology of knowledge – “the sociology of social uncertainty.”

Key words: *social change, social instability, social norms, social behavior, regulation.*